

Посвящается Дейвиду Гернету и Ральфу Вичинанце

*Корона золотых кудрей венчает милый лик,
Твой поцелуй — закрыть глаза — как сладок этот миг,
Шагать я смело за тобой готов, забыв себя,
Царица сердца моего, прекрасней нет тебя.*

«Канзасцы»

Место и время действия: здесь и сейчас

Часть первая

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКРУГ КАУЛИ

Глава 1

Здесь и сейчас, как любил говаривать один мой давний приятель, мы пребываем в струящемся настоящем, где обладание даром предвидения отнюдь не гарантирует идеальной видимости. Здесь: примерно в двухстах футах над землей, там, где только орлам и парить, над крайним западом штата Висконсин, где изменчивое русло реки Миссисипи образует его естественную границу. Сейчас: раннее утро пятницы где-то в середине июля, несколько лет от начала нового века и тысячелетия. Неисповедимые пути будущего столь сокрыты от нас, что у слепца, возможно, больше шансов увидеть лежащее впереди. Прямо здесь и сейчас, часом позже шести утра, солнце едва лишь показалось на востоке безоблачного неба, большое, уверенное в себе светло-желтое, плывущее, словно впервые, к будущему, оставляя позади прошлое. Прошлое, которое темнеет, отдаляясь все больше, превращая нас в слепцов.

Внизу солнце касается поверхности реки, золотит легкую рябь. В его свете блестят рельсы железной дороги Берлингтон — Нортен — Санта-Фе, проложенной между берегом реки и задворками ветхих двухэтажных домов, что построены вдоль принадлежащей округу дороги Оо. Дороги, известной больше как Нейлхауз-роуд, самой нижней части славного маленького городка, простирающегося вверх по склону холма на восток. В этот миг жизнь в округе Каули, похоже, затаила дыхание. Недвижный воздух во-

круг нас так чист и сладок, что кажется, будто человек может унюхать редиску, которую кто-то вытащит из земли в километре от него.

Двигаясь навстречу солнцу, мы удаляемся от реки, проплываем над сверкающими железнодорожными рельсами, над задними дворами и крышами домов на Нейлхауз-роуд, над рядом мотоциклов «харлей-дэвидсон», опирающихся на откидные подставки. Эти невзрачные дома построили в начале прошлого столетия для литейщиков, штамповщиков и упаковщиков, работавших на фабрике гвоздей Педерсона. Рабочие, они ведь не станут жаловаться на изьяны арендованных домов? Вот и дома строили подешевле (фабрика гвоздей Педерсона, испытывавшая немалые трудности с оборотными средствами в пятидесятых годах, в 1963-м приказала долго жить). Ждущие своих хозяев «харлеи» наводят на мысль, что рабочих заменили байкерские банды. Свирепая внешность владельцев «харлеев» — растрепанные волосы, густые бороды, пивные животы, сережки в ушах у мужчин, черные кожаные жилеты и куртки и далеко не полный набор зубов — вроде бы подтверждает первоначальное предположение. Но, как и многие предположения, это верно только отчасти.

Нынешних жителей Нейлхауз-роуд, коих подозрительные местные прозвали Громобойной пятеркой вскоре после того, как они поселились у реки, не так-то просто подогнать под какую-либо категорию. У всех — высокооплачиваемая работа в «Пивоваренной компании Кингсленда», расположенной за самой южной окраиной города, к востоку от Миссисипи. Если мы взглянем направо, увидим «самую большую в мире шестибаночную упаковку», резервуары-хранилища, раскрашенные в цвета «Светлого кингслендского». Мужчины, живущие на Нейлхауз-роуд, познакомились в кампусе Урбана-Чампейн Иллинойского университета, где все, кроме одного, готовились защищать дипломы по английской литературе или философии (этот один лежал в хирургическом отделении университетского медицинского центра). Им нравится, что их зовут

Громобойной пятеркой. Они словно видят себя героями комикса. Хотя сами они придумали себе другое название: Гегельянская пена. Эти господа образуют любопытную команду, мы еще познакомимся с ними поближе. А пока у нас есть время лишь на то, чтобы заметить написанные от руки постеры, которые висят на фронтонах нескольких домов, на двух уличных столбах и на паре брошенных зданий. На каждом — одна и та же надпись: «РЫБАК, МОЛИСЬ СВОЕМУ ВОНЮЧЕМУ БОГУ, ЧТОБЫ МЫ НЕ ПОЙМАЛИ ТЕБЯ ПЕРВЫМИ! ПОМНИ ЭМИ!»

От Нейлхауз-роуд Чейз-стрит резко поднимается по холму, между скособоченными домами с обшарпанными, некрашеными фронтонами цвета тумана: старый отель «Нельсон», где ночуют несколько обедневших жителей города, таверна, обувной магазин, в пыльной витрине которого красуются рабочие сапоги, изготовленные компанией «Ред Уинг», еще нескольких зданий без вывесок, но одинаково сонных и, похоже, пустующих. На всех этих сооружениях лежит отпечаток неудачного воскрешения. Вроде бы их вызволили из темных западных земель, но они все равно остались мертвыми. В определенном смысле с ними все так и произошло. Охряная горизонтальная полоса тянется на высоте десяти футов над тротуаром по фасаду отеля «Нельсон», затем опускается ниже и ниже по двум серым фасадам соседних домов. Полоса — уровень воды в наводнении 1965 года, когда Миссисипи, выйдя из берегов, затопила железную дорогу, Нейлхауз-роуд и едва не захлестнула холм, на который поднимается Чейз-стрит.

В той части, что не пострадала от разбушевавшейся реки, Чейз-стрит выравнивается и расширяется, превращаясь в главную улицу лежащего под нами городка — Френч-Лэндинга. Кинотеатр «Эджинкорт», «Гриль-бар», Первый фермерский банк, «Фотостудия» Сэмюэля Штуца (основной заработок — фотографии выпускников школы, свадебных церемоний и детские портреты) и магазины

(не жалкое подобие — настоящие) обрамляют широкие тротуары: «Аптечный магазин Бентона», «Высококачественные скобяные товары», «Видео на субботний вечер», «Готовая одежда», «Универмаг Шмитта», торгующие электроникой, журналами и поздравительными открытками, игрушками, спортивной одеждой с эмблемами «Брюэрз», «Туинз», «Пэккерз», «Викингз»¹ и Висконсинского университета. Через несколько кварталов улица меняет название на Лайлл-роуд, дома, преимущественно деревянные одноэтажные, стоят уже не вплотную друг к другу, а на приличном расстоянии. Располагаются в них, согласно вывескам, страховые компании и туристические агентства. Далее улица превращается в шоссе, которое ведет на восток мимо «С семи до одиннадцати»², «Дома ветеранов зарубежных войн», большого Центра продажи сельскохозяйственной техники, именуемого местными «Гольц». Потом — широкие поля. Если мы, упиваясь чистейшим воздухом, поднимемся еще на сотню футов и посмотрим, что там, за полями, то увидим морены, овраги, поросшие соснами холмы, долины, невидимые с земли, петляющие по ним речки, снова поля и маленькие города. Один из них, Сентралия (всего-то горстка домов!), расположен на пересечении узких шоссе, 35-го и 93-го.

Лежащий под нами Френч-Лэндинг выглядит, будто глубокой ночью его население срочно эвакуировали. Никто не гуляет по тротуарам, никто не вставит ключ в замок решетки, закрывающей фронтон одного из магазинов на Чейз-стрит. Стоянки перед магазинами тоже пусты, легковушки и пикапы начнут появляться здесь сначала по одному или парой, потом, через час-другой,

---

¹ Речь идет о профессиональных командах: бейсбольных «Милуоки Брюэрз», «Миннесота Туинз», и футбольных «Милуоки Пэккерз», «Миннесота Викингз». — *Здесь и далее примеч. пер.*

² «С семи до одиннадцати» — сеть однотипных продовольственных магазинов (в ассортимент также входит ограниченный набор товаров повседневного спроса и журналов), зачастую работающих круглосуточно.

побольше. Ни единого огонька не светится в окнах коммерческих зданий или жилых домов на прилегающих улицах. Кварталом севернее от Чейз, на Самнер-стрит, стоят четыре однотипных двухэтажных дома из красного кирпича. Если смотреть с запада на восток, первый занимает публичная библиотека Френч-Лэндинга, второй — офисы Патрика Джи Скарды, доктора медицины, местного эскулапа общего профиля, и юридической фирмы «Белл и Холланд», которой управляют Гарланд Белл и Джулиус Холланд, сыновья основателей, в третьем расположилось похоронное бюро «Хартфилд и сын», уже ставшее филиалом огромной похоронной империи со штаб-квартирой в Сент-Луисе, в четвертом — почтовое отделение Френч-Лэндинга.

Отделенное от них широкой подъездной дорожкой, переходящей в большую автомобильную стоянку, следующее здание расположено на углу Самнер-стрит и Третьей улицы. Оно тоже двухэтажное, из красного кирпича, но более вытянутое, по сравнению с соседями. Во дворе окна второго этажа забраны отродясь не знавшими краски металлическими решетками, из четырех автомобилей на стоянке два — патрульные, с маячками на крышах и буквами ПУФЛ¹ на бортах. Патрульные машины и решетки на окнах кажутся вроде бы неуместными в сельской глубинке. Ну какие здесь могут быть преступления? Конечно же, ничего серьезного, разве что мелкие кражи в магазинах, вождение в нетрезвом виде да иной раз драка в баре.

Словно в доказательство мирной и размеренной жизни маленького городка, красный мини-вэн с надписью на борту «ЛА РИВЬЕРА ГЕРАЛЬД» медленно ползет по Третьей улице, останавливаясь у почтовых ящиков, чтобы водитель успел сунуть дневную газету, запечатанную в синий пластиковый конверт, в серые металлические цилиндры, на которых те же слова, что и на борту. Когда мини-вэн

---

¹ ПУФЛ — аббревиатура: полицейский участок Френч-Лэндинга.

поворачивает на Самнер-стрит, где ящиков около домов нет, одни щели для почты в дверях, водитель просто бросает пакеты с газетой к входной двери. Синие пакеты остаются у дверей полицейского участка, похоронного бюро, библиотеки, офисного здания. Почтовое отделение газету не получает.

Подумать только, свет горит в окнах первого этажа полицейского участка. Дверь открывается. Из нее выходит высокий, темноволосый молодой человек, в светло-синей форменной рубашке с короткими рукавами и темно-синих брюках, перетянутый кожаным ремнем. Широкий ремень и золотая бляха на груди Бобби Дюлака поблескивают в утреннем свете, и все, что надето на Бобби, включая пистолет калибра 9 мм на бедре, кажется новеньким, с иголки, как и сам Бобби Дюлак. Он наблюдает, как красный мини-вэн сворачивает на Вторую улицу, хмуро смотрит на газету. Подцепив ее носком черного, до блеска начищенного ботинка, нагибается лишь для того, чтобы прочесть заголовок сквозь синий пластик. Фокус не проходит. Все еще хмурясь, Бобби наклоняется ниже и очень осторожно, прямо-таки нежно, подхватывает газету, вроде как его мать подхватила бы котенка, чтобы перенести его куда-нибудь. Держа газету на вытянутой руке, быстро оглядывает Самнер-стрит, усмехается и ретируется за дверь. Поскольку спектакль, устроенный патрульным Дюлаком, разжег наше любопытство, мы, спускаясь все ниже и ниже, следуем за ним.

Серый коридор ведет мимо закрытой двери и доски объявлений, практически пустой, к двум металлическим лестницам. Одна уходит вниз, к маленькой раздевалке, душевым, тире. Вторая — наверх, к комнате для допросов и двум рядам камер, которые в это утро пусты. Откуда-то доносятся звуки радишоу, пожалуй слишком громкие для столь тихого утра.

Бобби Дюлак открывает дверь и входит (мы — за ним по пятам) в дежурную часть, из которой он только

что выходил, чтобы забрать газету. По правую руку выстроился ряд шкафов для документов, за ним — обшарпанный деревянный стол с аккуратной стопкой набитых папок и транзисторным радиоприемником, источником шума. Приемник настроен на волну местной KDCU-AM¹, рекламный слоган — «Ваш голос в округе Каули», и весельчак ведет «Барсучью хатку»², популярную утреннюю программу. Старина Джордж кричит больно уж громко — должно быть, хочет, чтобы его слышали, даже снизив звук до минимума. Этот парень по натуре очень шумный, таким уж уродился.

Посередине стены, аккуратно напротив нас, закрытая дверь с панелью из темного стекла. На ней белая надпись «ДЕЙЛ ГИЛБЕРТСОН, НАЧАЛЬНИК ПОЛИЦИИ». Дейл появится через полчаса, а то и позже.

Два металлических стола стоят под прямым углом друг к другу слева от нас, а за тем, что развернут к нам, сидит Том Лунд, светловолосый полицейский примерно того же возраста, что и его напарник, хоть и не выглядит так, словно лишь пять минут назад сошел с конвейера. Смотрит он на пакет, зажатый между двумя пальцами правой руки Бобби Дюлака.

— Ага. Понятно, — говорит Лунд. — Самая свежая информация.

— А ты думал, Громобойная пятерка нанесла нам визит вежливости? Держи. Не хочу читать эту чертову газетенку.

Не удостоив синий пакет и взглядом, Бобби отправляет утренний выпуск «Ла Ривьера геральд» в полет по широкой дуге над десятью футами деревянного пола, а сам бросается направо и занимает позицию перед деревянным столом еще до того, как Том Лунд ловит брошенный ему «мяч». Бобби смотрит на два имени и кое-какие подробности, написанные мелом на длинной грифельной

---

¹ AM — указывает на волновой диапазон (средние волны).

² Барсук — шутовское прозвище жителей штата Висконсин.

доске, которая висит на стене за столом. Он недоволен, наш Бобби Дюлак, по выражению лица чувствуетея, что от злости он готов выпрыгнуть из штанов.

А вот Джордж Рэтбан, толстый и радостный, кричит из студии KDCU: «Дружище, подожди секунду, дай мне записать твои рекомендации! Мы говорим об одной и той же игре? Дружище...»

— Может, Уэнделл образумился и решил дать задний ход, — предполагает Том Лунд.

— Уэнделл, — повторяет Бобби. И кривит ртом, хотя Том видит только его коротко стриженный затылок, и движение губ не находит достойного зрителя.

— Дружище, позволь задать тебе один вопрос, только прошу, ответь честно. Ты действительно видел вчерашнюю игру?

— Я не знал, что Уэнделл — твой большой друг, — цедит Бобби. — Я вообще не знал, что ты бывал так далеко на юге, аж в Ла Ривьере. Я всегда думал, что ты считаешь вечер удавшимся, выпив кувшин пива и выбив больше сотни в «Боулингдроме Ардена». А теперь я вижу, что ты тусуешься с репортерами из университетских городков. Возможно, даже с Висконсинской крысой, этим парнем с KWLA. Смотри не подхвати чего-нибудь от тамошних шлюшек.

Собеседник Рэтбана говорит, что пропустил первый иннинг, поскольку ему пришлось забирать детей после консультации в больнице «Маунт Хеврон», но все остальные он действительно видел.

— Разве я говорил, что Уэнделл Грин — мой друг? — вопрошает Том Лунд. Над левым плечом Бобби он видит первое из имен, написанных на грифельной доске. И не может оторвать от него глаз. — Так уж получилось, что я встретил его после суда над Киндерлингом, и мне не показалось, что он — плохой человек. Наоборот, мне он даже понравился. Я его пожалел. Он хотел взять интервью у Голливуда, а Голливуд дал ему от ворот поворот.

Да, конечно, он видел дополнительные иннинги, говорит несчастный собеседник Рэтбана, которого ведущий явно старается размазать по стенке, поэтому он и знает, что в Поки Риза попали мячом.

— Что же касается Висконсинской крысы, я б его не узнал, если б увидел. А так называемая музыка, которую он выпускает в эфир? Большой дряни слышать мне не доводилось. Я вообще не понимаю, как этому чудику дали свою программу. Да еще на университетской радиостанции! А что ты скажешь насчет нашей удивительной UW-Ла Ривьера, Бобби? Что они говорят о нашем обществе? О, я забыл, тебе нравится это дерьмо.

— Нет, я люблю «311» и «Корн»¹, ноты настолько не в теме, что не сможешь найти разницу между Джонатаном Дэвисом и Ди Ди Рамоном². Впрочем, забудем об этом, лады? — Бобби Дюлак медленно поворачивается к своему напарнику и улыбается. — Хватит цапаться.

— Это я-то цапаюсь? — Том Лунд округляет глаза, изображая оскорбленную невинность. — Неужто я швырнул газету через всю комнату? Нет, вроде бы не швырял.

— Если ты никогда не видел Висконсинскую крысу, откуда тебе известно, как он выглядит?

— Как-то вот я знаю и о необычном цвете его волос, и о торчащем шнобеле. Знаю, что у него черная кожаная куртка, которую он носит не снимая днем и ночью, в дождь и солнце.

Бобби ожидал продолжения.

— Все это в его голосе. По голосу можно многое узнать о человеке. Парень говорит: «Послушай, похоже, будет хороший день», а на самом деле рассказывает тебе историю своей жизни. Хочешь узнать кое-что еще об этом Крысеныше? Он не был у дантиста шесть или семь лет. И его зубы похожи на говно.

---

¹ «311», «Корн» — современные музыкальные группы.

² Дэвис Джонатан, Ди Ди (Джонни) Рамон — современные исполнители.